

УДК 811.161.1'42:264-69:821.161.1"18+19"

Е. В. Сирота

Бэлцкый государственный университет имени Алеку Руссо, Бэлць, Молдова,
доктор (кандидат) филологических наук, конференциар (доцент)
зав. кафедрой славистики

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОЛИТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ
ЗОЛОТОГО И СЕРЕБРЯНОГО ВЕКОВ)**

*В статье рассматривается специфика реализации структурно-семантических значений молитвенного дискурса в контексте поэтической системы Золотого и Серебряного веков. Актуальность темы определяется необходимостью изучения содержательного и знакового пространства молитвенного дискурса, его аксиологической ценностью, а также недостаточной освещённостью в научной литературе. В связи с различной интерпретацией категорий дискурса, религиозного дискурса, молитвенного дискурса в работе сделана попытка представить суцность этих понятий. **Объект исследования** – молитвенный дискурс, **предмет** – специфика его реализации в художественном тексте. В исследовании использованы описательный, структурно-семантический, функциональный, культурно-исторический **методы**, метод дискурс-анализа. **Результаты** исследования могут найти применение в **практике** преподавания лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории коммуникации. Молитвенный дискурс представляет собой явление эволюционного характера, манипулирующее на грани художественного новаторства и следования православной традиции, определённым образом концентрируя в себе идею духовности, веры. Проведённый анализ позволил с лингвистических позиций подойти к раскрытию концептуальной картины мира человека, познающего в молитве бога и окружающий мир.*

Ключевые слова: дискурс, молитва, молитвенный дискурс, поэтическая система, концепт, структура.

В настоящее время в лингвистике завоёвывает всё более уверенные позиции антропоцентрическая исследовательская парадигма, что способствует осмыслению языковых категорий, непосредственно связанных с говорящим субъектом. Особое место в ряду этих категорий занимает дискурс. Языковеды осуществляют анализ разных типов дискурса. Однако достаточно слабо освещены проблемы возрождающихся традиций в жизни постсоветского человека, например, актуализация в рамках православия коммуникативной ситуации общения человека с Богом, что находит своё отражение в религиозном и, в частности, молитвенном дискурсе.

Актуальность лингвистического исследования молитвенного дискурса определяется необходимостью изучения его содержательного и знакового про-

странства, аксиологических ценностей, а также недостаточной освещённостью в научной литературе.

В данном исследовании делается попытка выявить специфику молитвенного дискурса Золотого и Серебряного веков на разных уровнях языковой системы (лексическом, синтаксическом, функциональном); описать соотношение религиозного канона и художественного молитвенного дискурса.

До недавнего времени религиозные тексты, в частности, тексты молитв не становились объектом лингвистического исследования. Лишь в конце XX века в отечественной лингвистике наметился интерес к исследованию религиозных текстов, обусловленный изменением системы ценностей общества, изменившимся отношением к религии.

Из многообразия религиозных жанров лингвистическому анализу в различных аспектах подвергались переводы религиозных текстов на современные литературные языки [4; 5], библейские паремии [6], проповеди [7].

К проблемам собственно молитвенного дискурса обращались такие исследователи, как О. А. Прохватилова, Э. М. Афанасьева и др.

Молитва как тип текста воплощает в себе сущность религии – связь человека с богом; наиболее ярко, в концентрированной форме отражает картину мира религиозного человека. Понятие молитвы тесно связано с понятием канона. Канон в православии – правило или свод правил, остающихся неизменными долгое время и обязательными для всех христиан. Молитвенный канон проясняется в его структуре, закреплённой веками.

До сих пор молитвенный дискурс был предметом исследования главным образом в богословской литературе, связанной с его теологическим и нравственным осмыслением.

Вопросы, связанные с дискурсом, разными исследователями рассматриваются по-разному. До сих пор нет единого понимания и общепринятой дефиниции дискурса, что обусловлено многоаспектной природой данного понятия. Разнобой в трактовке дискурса объясняется широкой сферой его распространения (семиотика, психология, теория коммуникации, социолингвистика, юриспруденция, логика, педагогика, теория и практика перевода). В данной работе мы будем понимать дискурс как единицу языка больше предложения, актуализируемую как в устном, так и в письменном модусах, в содержательном плане обусловленной экстралингвистическим контекстом во всём многообразии идеологических, социокультурных и других факторов.

В дискурсивной иерархии молитвенный дискурс является разновидностью религиозного дискурса, который, в свою очередь, относится к институциональному типу коммуникации.

Ценности религиозного дискурса сводятся к признанию существования Бога и вытекающей отсюда идеи ответственности человека перед Творцом, к признанию истинности данного вероучения и его догматов, к признанию религиозно обусловленных моральных норм. Системообразующими концепта-

ми религиозного дискурса являются концепты «Бог» и «вера». Концептуальное пространство религиозного дискурса формируется как специфическими концептами, характерными для данного типа общения («вера», «Бог», «дух», «душа», «храм»), так и концептами, являющимися общими для религиозного дискурса с другими типами общения, но получающими специфическое преломление в данном дискурсе («любовь», «закон», «наказание» и др.). Концепты религиозного дискурса могут функционировать в различных нерелигиозных контекстах, приобретая особые оттенки значения, с другой стороны, нейтральные (никак не связанные с религиозной сферой) концепты получают особое преломление в рамках религиозного дискурса. Жанры религиозного дискурса: притчи, псалмы, молитвы, проповеди, исповеди.

В данной работе под молитвой понимается не жёстко закреплённое за определённой религиозной парадигмой явление, а вербальное и имплицитное обращение к объекту, который осознаётся как сакральный. Исследуемый вид дискурса обладает присущими только ему характеристиками, среди которых следующие:

- к числу участников коммуникации относится Бог, то есть молитва направлена на сверхадресата, который остаётся фактически «нем», отсюда споры о диалогичности / монологичности молитвенного дискурса;

- наличие тематической основы, исторически закреплённой за конкретной сюжетной схемой, которую можно определить как «сюжет-архетип» с тематической доминантой *желание* [2, с. 41–44];

- сферой функционирования молитвенного дискурса является общение в храме (главном религиозном институте) и вне храма, что широко представлено в творчестве писателей Золотого и Серебряного веков;

- функциями молитвенного (= охранного) дискурса являются апеллятивная, эмотивная, фатическая, информативная, инспиративная функции.

В качестве системы молитвенный дискурс оперирует характерными для него концептами. Аксиологическую парадигму молитвенного дискурса целесообразно рассматривать на конкретных примерах молитв, для этой цели мы рассмотрим поэзию Золотого и Серебряного веков, а именно то, как она отражает мировоззрение русского человека в переломный для отечества период. Важнейшими концептами оказываются «Бог», «душа», «прощение», «спасение», «наказание», «грех».

Следует различать церковный, канонический молитвенный дискурс и художественную молитву. Церковный молитвенный дискурс имеет определённую структурную композицию, то есть придерживается канона построения: личное общение, изложение предмета и оснований (просьба, благодарность или прославление), клишированные приёмы (анафора и синтаксический параллелизм). Построение традиционной молитвы происходит по определённому сформировавшемуся канону. Такая композиция нередко повторяется и в поэтическом молитвенном дискурсе, однако чаще всего художественный текст не содержит

всех элементов церковной молитвы. Так, в стихотворении А. С. Пушкина «Заутра с свечкой грошевою...» (1816) заявлена лирическая ситуация утренней молитвы перед образом:

*Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! Остался я живым,
Но был уж смерти под кошою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель – лекарем моим.*

Двоеточие в конце второго стиха предполагает развитие темы: призыв лирического героя к святому, изображённому на иконе. Формально тема призыва реализуется, но неожиданное обращение к святому «мой друг» преобразует религиозную ситуацию в светскую за счёт искажения онтологического центра, имяславской позиции молящегося (создаётся игровая ситуация лёгкой беседы с другом). Главная мысль утреннего Богослужения в христианской Церкви связана с восславлением «утреннююющей душой» (Пс. 62). Молитвенный дискурс в данном стихотворении иронически обыгрывается за счёт изменения нетрадиционного для молитвы обращения «Мой друг!» (устойчивая поэтическая формула в русской поэзии, закреплённая за посланием). Зафиксировав это обращение в начале стиха, Пушкин развивает традиционную для дружеских посланий тему преодоления смерти. У поэта ситуация обостряется тем, что «мой друг» одновременно и «святой образ».

В русской литературе есть случаи размывания религиозно-литературных границ. В качестве примера можно привести молитвенное творчество Н. В. Гоголя в произведении «На 1846 год» («Влеку меня к Себе, Боже мой, силой святой любви Твоей. Ни на миг бытия моего не оставляй меня: соприисутствуй мне в труде моем, для него же и произвёл меня на свет. Да совершая его, пребуду весь в Тебе. Отче мой! Тебя единого представляю день и ночь перед мысленные мои очи...»). Данный дискурс свидетельствует о богатом молитвенном опыте Н. В. Гоголя. С каноническим молитвенным дискурсом текст объединяют основные композиционные элементы молитвы: формы обращения в звательном падеже (*Боже, Отче*) и просьбы, выраженные повелительной формой глагола (*влеки, не оставляй, соприисутствуй*).

В композиционном отношении между религиозной и художественной молитвой есть существенное различие. Сакральный текст замыкается своеобразной «печатью»: словами «аминь, воистину, да будет так», которые символизируют веру молящегося в осуществление желаемого. В поэзии же молитва может обрываться на последней просьбе к высшему божественному началу. Для лирического героя в финальном слове актуализируются полюса смерти и бессмертия. Область смерти – пиковая в стихотворении К. Ф. Рылеева «Мне тошно здесь, как на чужбине...», сфера воскресения – доминантная для «молящегося» в стихотворении А. С. Пушкина («Отцы пустынноики и жёны непорочны...»).

Богообщение в его религиозном понимании преобразуется поэзией в особую модель эстетического переживания религиозной ситуации, которая в разные периоды жизни поэтов по-разному актуализирует мировоззренческие акценты духовно-творческого плана. Юношеские эксперименты над молитвенным словом постепенно вытесняются напряжённым диалогом с творящими силами мира. В зрелый период творчества обращение поэтов к молитве отражает характер духовных поисков на вершине глобальной концентрации творческих сил; нередко этот макрокосмический диалог, вводя поэтическое слово в онтологическую сферу, указывает на своеобразное подведение итогов и определением ценностных ориентиров жизни, конечность которой осознаётся весьма остро. За год до смерти перелагает Великопостную молитву А. С. Пушкин. За год до смерти бросает свою «Благодарность» несовершенному миру М. Ю. Лермонтов. В период предсмертной болезни перелагает Великопостный светилен Ф. И. Тютчев [1, с. 7].

Поэтический молитвенный дискурс Золотого и Серебряного веков не всегда ориентирован на религиозную традицию молитвословия, поэтому его нельзя назвать канонически законсервированным явлением русской поэзии. Универсальность формы испытывает на себе творческие эксперименты. С изменением ракурса оценки изнутри эстетической сферы обнаруживается характер проявления авторской модификации молитвенного дискурса и разрушения стереотипов. Так, изменяется онтологическое ядро на номинативном уровне; появляется пушкинский призыв «Молись и Вакху и любви» («К Каверину»), просьба П. А. Вяземского П. А. Блудову о молитве Богу ума и вкуса; используется ситуация двойной адресации («К надежде» К. Ф. Рылеева (1817)); имеет место подмена сакрального имени (Ф. Сологуб «Когда я в бурном море плавал»): *Когда я в бурном море плавал / И мой корабль пошёл ко дну, / Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол, / Спаси, помилуй, – я тону...»*. Кроме того, персонифицируются отвлечённые понятия и языческие божества, что можно увидеть в творчестве русских поэтов разных периодов: например, в стихотворении Н. Тургенева «Приди, о Истина, и поселись меж нами» (1807), Ф. Глинки «Призывание сна» (1819), А. С. Пушкина «Домовому» (1819), М. Цветаевой «Молитва морю» (1911), Н. Клюева «Молитва солнцу» (1917) и др.

Н. Тургенев апеллирует к абстрактному идеалу достижения всеобщей гармонии. Архитектоника, ориентированная на форму просительных молитв, дискурсивная установка на эстетическое преображение реальности, итог которого – счастье для каждого, воссоздаёт диалектику молитвенного дискурса, основанную не на религиозной, а на философской системе ценностей.

Данный тип художественной модификации базируется на законе аналогий. Текст, сохраняя основные формообразующие принципы ритуальной архитектуры, насыщается новым содержанием и создаёт новую модель лирического переживания по старой схеме.

В русской поэзии XIX в. утвердились следующие мотивные реализации темы молитвы: непрестанная молитва (образец духовного совершенства), пре-

рванная, несостоявшаяся, переадресованная (символизирующие дисгармонию души и мира), посмертная (наделённая искупительными функциями). Романтизм создаёт условия для гносеологического познания бытийности слова, поэтому одно слово-состояние могло наделяться молитвенными функциями, воплощая в себе концентрированную модель охранный дискурса.

Проблематика молитвенного дискурса находит выражение и в творчестве М. Ю. Лермонтова. Можно выделить 6 стихотворений с ситуацией ритуального общения с Богом: «Молитва» (1929), «Моя мольба» (1830), «Юнкерская молитва» (1833), «Молитва» (1837), «Молитва (1839), «Благодарность» (1840).

Стихотворение «Молитва» (1829) формально строится по композиционным законам канонической молитвы: обращение и изложение оснований, – однако в стихотворении «Моя мольба» (1830) Лермонтов обращается к эксперименту над молитвенной формой. Лирический герой второго стихотворения молится самому себе, вопреки «закону молитвы»: *Да охранюся я от мушек, / От дев, не знающих любви, / От дружбы слишком нежной и – / От романтических старушек.*

Глаголы в повелительной форме указывают на неперемное желание исполнения просьб, а возвратный постфикс *–ся* показывает, что субъект и объект едины.

Тема великой искупительной жертвы звучит в стихотворении-молитве К. Ф. Рылеева, записанном на клочке тюремной бумаги. Для большинства декабристов Библия была единственной доступной книгой, поэтому обращение к религии и божественному началу весьма характерно для поэтов начала XIX века. Создание таких художественных молитв объясняется этапом духовной эволюции в переломный момент исторического процесса России.

Переложение «Отче наш» встречается в контексте «Тюремной песни» (1828) Г. С. Батенькова, им же написана одна из последних «молитв» в декабристской поэзии – «Молитва старца» (1856), источником которой является 2-я глава Евангелия от Луки.

Ориентация поэтов на Библию становится отличительной чертой молитвенного дискурса декабристов периода заключения и ссылки. Вместо идеи всеобщего блага появляется тема личного спасения, христианская тема смирения и духовного возрождения.

В творческом наследии А. С. Пушкина молитвенный дискурс находит выражение в таких произведениях, как «Заутра с свечкой грошевою...» (1816), «К Морфею» (1816), «Домовому» (1819), «И. И. Пущину» (1826). В отличие от Лермонтова, А. С. Пушкин избегает наименования своих лирических произведений «молитвами».

Особенностью молитвенного дискурса лирики Пушкина является не просто установление духовной связи между молящимся и обожествляемым покровителем, но и молитвенное стремление к преодолению жизненных испытаний. Формально это выражается с помощью повелительного наклонения глагола с частицами *пускай* и *да*:

*Пускай увижу милый взор,
Пускай увижу голос милый.* («К Морфею»)

Такой приём заимствован поэтом из религиозной молитвенной практики. Аналитическая форма повелительного наклонения с частицами *да* и *пусть* осложнена семантикой волеизъявления, неотвратимости желаемого.

С точки зрения лексической наполненности, молитвенный дискурс Золотого века отличается частым использованием старославянизмов. Старославянская лексика выполняет стилистические функции: создаёт исторический колорит поэтических дискурсов, патетический слог, воссоздаёт библейский сюжет. В дискурсах Золотого века старославянская лексика нередко используется для пародирования и создания комического эффекта.

Лексическая наполненность поэзии Серебряного века также характеризуется употреблением старославянизмов, но их удельный вес снижается, вместо них используются неологизмы и общеупотребительные слова, демонстрируя тем самым, что молитва перестаёт быть сакральным таинством. Адресант Серебряного века жаждет прощения, находится в страхе, горе, благоговеет перед Творцом, склоняет колени перед Богом, часто это мученик, который просит о другом.

На синтаксическом уровне наиболее употребительны инверсия, риторический вопрос, параллелизм. Вопросительная форма предложений является средством создания эмоционального напряжения, что способствует появлению определённой реакции. Синтаксис молитвенного дискурса Серебряного века характеризуют также синтаксические фигуры: парафразис, инверсия, параллелизм, градация. Примеры парафразиса: *в тихом царстве теней; святые в сердце звуки; распятый, пронзенный гвоздями, в короне терновой*. Градация усиливает эмоциональное напряжение: *молю и требую, и плачу, и взываю!*

По форме молитвенный дискурс Серебряного века представляет собой монолог без ответной реплики (только лишь речь адресанта). Обязательными актантами такой молитвы являются обращение, комплиментарная часть, мольба. В молитвенном же дискурсе Золотого века наряду с монологическим типом речи встречаются примеры равноправного диалога (М. Ю. Лермонтов «Тогда молитвой безрассудной»). К отличительным особенностям молитвенного дискурса Серебряного века можно отнести и то, что сверхъестественными свойствами наделяются существа греческой и славянской мифологии, отвлечённые философские понятия: *Морфей, Домовой, Хранитель, Орзмуд, Случай, Богиня*. Однако в поэзии Золотого века, для сравнения, есть случаи самообъективации, когда молитвенные слова возносятся самому себе (Лермонтов «Да охранюся я», Тютчев «Всесилен я»). Эти особенности объясняются спецификой эпох. В Серебряном веке в качестве сверхадресата выступают православные образы Христа, Богородицы, ангелов, святых. Более того, олимпийскому пантеону богов противопоставляется Христос как единственный спаситель (Мережковский «Пантеон»).

Любовь, уважение, почитание Христа выделяется на смысловом и графическом уровнях: лексемы и словоформы *Бог, Христос, Он* поэт пишет с большой буквы, тогда как имена олимпийских богов – всегда со строчной.

На основе проанализированного материала можно утверждать, что в молитвенном дискурсе Золотого и Серебряного веков русской поэзии находят отражение особенности национальной психологии русского народа: религиозность, ориентация на православные добродетели, надежда на помощь сверхъестественных сил. Охранный дискурс является важной частью творческого наследия поэтов и писателей Золотого и остаётся актуален также и в XX и начале XXI века. Молитвенный дискурс представляет собой явление эволюционного характера, манипулирующее на грани художественного новаторства и следования православной традиции, определённым образом концентрируя в себе идею духовности, веры.

Литература

1. *Афанасьева Э. М.* «Молитва» в русской лирике XIX в. : логика жанровой эволюции : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература / Э. М. Афанасьева. – Томск, 2000. – 253 с.
2. *Афанасьева Э. М.* Мадонна в творчестве М. Ю. Лермонтова : семантика образа // Языковая картина мира : лингвистические и линвокультурологические концепты : материалы международной научно-практической конференции : в 2 т. – Бийск, 2001. – Т. 1. – С. 41–44.
3. *Баймуратова У. С.* Элементы религиозного дискурса в художественной картине мира : лексический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / У. С. Баймуратова. – Оренбург, 2009. – 226 с.
4. *Иванов В. В.* Мёртвые языки / В. В. Иванов // Поэтика. Стилистика. Язык и культура : сб. памяти Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1996.
5. *Кузьменко Н. А.* Структура языковой личности в дискурсе новых научных парадигм. [Текст] / Н. А. Кузьменко // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград : Перемена, 2001. – Ч. 1. – С. 220–224.
6. *Никоновайте Ф. И.* О грамматическом содержании предиката евангельской паремии / Ф. И. Никоновайте // Филологические науки. – М., 1997. – № 3. – С. 57–66.
7. *Прохватилова О. А.* Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / О. А. Прохватилова. – Волгоград, 2000. – 498 с.
8. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 17 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресение, 1994–1997.

Статтю отримано 14.09.2015 р.

Сирота О. В.

ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ МОЛИТОВНОГО ДИСКУРСУ (на матеріалі поезії золотого та срібного віків)

У статті розглянуто специфіку реалізації структурно-семантичних значень молитовного дискурсу в контексті поетичної системи Золотого та Срібного віків. Актуальність теми визначається недостатнім висвітленням молитовного дискурсу в лінгвістичному аспекті. У зв'язку з різною інтерпретацією категорій релігійного та молитовного дискурсів у роботі подано інтерпретацію зазначених понять. Об'єктом дослідження є молитовний дискурс, предметом – специфіка його реалізації в художньому тексті.

У процесі дослідження було використано описовий, структурно-семантичний, функціональний, культурно-історичний методи та метод дискурс-аналізу. Результати роботи можуть знайти практичне застосування в лекційних курсах з лінгвокультурології, когнітивної лінгвістики, теорії комунікації. Проведений аналіз дозволив з лінгвістичних позицій підійти до розкриття концептуальної картини світу людини в молитовних текстах, коли людина пізнає Бога і навколишній світ крізь божественне.

Ключові слова: дискурс, молитва, молитовний дискурс, поетична система, концепт, структура.

Sirota E. V.

LINGUISTIC ASPECT OF PRAYERFUL DISCOURSE (BASED ON POETRY OF THE GOLD AND SILVER AGES OF THE RUSSIAN LITERATURE)

The article analyses the specific properties of the manifestation of structural-semantic meanings of prayer discourse within the context of the poetic system of the Golden and Silver Ages. The novelty of the research theme is determined by the insufficient study of prayer discourse in linguistic aspect. Because of the diverse interpretations of such categories as discourse, religious discourse, prayer discourse, the definitions of these notions are being specified. The subject matter of the study is prayer discourse and the scope is the specific properties of its expression in a fictional text. A descriptive, structural-semantic, functional, discourse-analysis and cultural-historical methods were used while carrying out the research. The practical significance of the work is determined by the applicability of its results in the courses of lectures on lingvoculturology, cognitive linguistics, and the theory of communication. The undertaken analysis has facilitated the linguistic approach to revealing a person's conceptual worldview in prayer texts, perceiving God and the surrounding world.

Key words: discourse, prayer, prayer discourse, poetic system, concept, structure.